И.С.Вацковская

ТИПЫ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ РЕЗОНАНСНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

The article is devoted to the analysis of the notion the «resonance information». The role and the main functions of the resonance information in the political discourse are revealed.

Понятие «дискурс» (фр. discours, англ. discourse) рассматривается в современной лингво-прагматике как важная составляющая коммуникации, как речь (устная или письменная), включенная в широкий коммуникативный контекст. Е.С.Кубряковой дискурс квалифицируется как когнитивный процесс, связанный с восприятием и реальным речепроизводством [1]. Популярность термина и понятия «дискурс» не только в лингвистике, но и в целом ряде дисциплин, смежных с лингвистикой, привела к тому, что содержание, вкладываемое в это понятие, не всегда и не во всем тождественно. Причину отсутствия четкости в определении дискурса можно усмотреть, прежде всего, в широте охватываемого данным понятием явления, а также в том, что каждая наука выделяет в качестве ядра ту его характерную черту, которая представляет наибольший интерес для данной отрасли научного знания.

Можно привести основные значения термина «дискурс», представленные в различных работах: эквивалент речи; единица, по размерам превосходящая фразу; воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; беседа; речь с позиций говорящего; речевая реализация единиц языка; социально или идеологически ограниченный тип высказываний; теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста (абстрактная модель речи).

Анализ позволяет выделить следующие основные подходы к установлению сущности дискурса как лингвистического феномена: формальный, функциональный, ситуативный и когнитивный.

С позиций формальной или структурно-ориентированной лингвистики дискурс трактуется как два или более предложения, находящиеся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из важнейших признаков дискурса [2].

Функциональный подход рассматривает дискурс как всякое употребление языка и предполагает анализ функций дискурса посредством изучения функций языка [3].

Ситуативная интерпретация дискурса заключается в учете социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств.

С позиций когнитивного подхода дискурс рассматривается как когнитивное явление, т. е. как феномен, имеющий дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний [4].

Таким образом, перечисленные подходы предлагают многообразные способы решения терминологической проблемы и все же не дают четкого ответа на вопрос: что же такое дискурс? Наиболее простым путем в рамках лингвистики является, по-видимому, сопоставление содержания пограничных понятий и выявление на основании сравнения специфических черт интересующего нас феномена. Иными словами, содержание понятия «дискурс» можно определить, сопоставляя его с понятием «текст».

Согласно определению, предлагаемому Н.Д.Арутюновой, дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженная в жизнь» [5].

Во многих функционально-ориентированных работах понятие «дискурс» часто противопоставляется понятию «текст» по ряду оппозитивных критериев: функциональность — структурность, динамичность — статичность, актуальность — виртуальность и др. Разграничение понятий «текст» и «дискурс» с позиций когнитивной лингвистики соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата: дискурс — это когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму [1].

Х.Хаберланд сводит различия между текстом и дискурсом к следующему: «текст — предмет (a thing), который может находиться в различных местах в различное время, дискурс — событие (event), которое может быть только здесь и сейчас; текстом можно пользоваться неоднократно, его можно переносить с одного места в другое, дискурс — сиюминутный процесс, он каждый раз воссоздается заново» [6]. Текст понимается большинством ученых как статический, реально существующий результат завершенной человеческой деятельности — результат речи. Дискурс — процесс речепроизводства, способ/форма межличностного вербального взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации информации. Подобная трактовка дискурса позволяет выделять два его основных типа: устный и письменный.

В процессе общения посредством высказываний передаются самые разнообразные виды информации как осознанно, так и неосознанно, как эксплицитно, так и имплицитно. Важнейшим видом информации в дискурсе является *интерсубъективная информация*, которая связывается с представлениями коммуникантов о контекстуальных условиях актуализации

зации высказываний в дискурсе. Когнитивно эта информация предваряет высказывание, а ее интерсубъективность основывается на прагматических пресуппозициях.

Выделяют также *эпизодическую информацию*, которая основана на личном опыте человека и представляет собой сведения о событиях, свидетелем или участником которых был сам адресант.

Отдельным типом дискурсивной информации считают *тематическую информацию*, присущую дискурсу как связному речевому произведению в разных формах, регистрах и типах общения, и представленную в виде макропропозиции или макроструктуры [7].

В качестве специфического вида дискурсивной информации выделяют *социально-дейктическую*, используя понятия «социальный дейксис» и «дейксис дискурса» в добавление к понятиям «дейксиса лица, времени и места» [8]. Социальный дейксис указывает на отношение говорящего к адресату и референту, на степень социальной дистанции между участниками общения. Степень дистанции психологически коррелирует с отношениями солидарности, власти или подчинения.

Содержательно-фактуальная информация — это информация о фактах, событиях, процессах. Она эксплицитна и выражена, как правило, вербально.

По *интенциональности* различается информация, сообщаемая преднамеренно и непреднамеренно.

По *степени эксплицированности* выделяется информация эксплицитная (буквальная) и имплицитная (подразумеваемая).

Все эти виды информации, представленные в структурах знания участников коммуникации и актуализируемые в дискурсе, необходимы для осуществления межличностного общения и обеспечения взаимопонимания коммуникантов.

Подобное понимание дискурса становится базой для выделения *политического дискурса* в отдельную систему коммуникации, к которой относят правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков, т. е. жанры, принадлежащие сфере политики. Политический дискурс — это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, исследователи отмечают также, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса, т. е. он актуализируется в такой институциональной обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Иными словами, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [7]. Политический дискурс оказывает большое влияние на общественное сознание, широко распространен в средствах массовой коммуникации и неразрывно связан с понятием резонансной коммуникации.

Резонансная информация представляет собой особую форму межличностной коммуникации, включающую в себя такие находящиеся в «самодвижении» автотекстовые комплексные коммуникативные единицы, как слухи, сомнительные бытия, подсказки «со-

веты бывалых», личностные и институциональные мифы различного порядка, которые, циркулируя с определенной частотностью в социальном пространстве, выступают в качестве организационной основы объединения людей на базе общности интерпретационного содержания такой информации [9].

Резонансная информация направлена на реализацию следующих *функций*.

1. *Вуалирование информационной некомпетентности* (у СМИ в ряде случаев отсутствуют точные данные об источнике информации, и введение «слуховых маркеров» позволяет хотя бы несколько вуалировать этот недостаток). «Investigators had originally said the attacker was believed to have acted alone, but the Sun reported he possibly had an accomplice» [HT]*.

2. *Преднамеренное утаивание источника информации* (часто использование неопределенного авторства связано не с отсутствием знания об источнике информации, а с необходимостью скрыть его на основе договоренности, заранее достигнутой между руководством СМИ, ведущим и журналистом). «Some journalists had apparently started a muttering campaign against Politkovskaya» [TG].

3. *Функция манипуляции* (за ссылкой на слухи стоят мнения и прогнозы самого журналиста, который в целях политической выгоды не хочет оформлять их как собственные, однако заинтересован в том, чтобы они стали достоянием общества).

4. *Функция толерантности* (при наличии малейшего сомнения в достоверности сообщаемой информации становится не принятым настаивать на своей правоте в терминах «it's true, exactly, undoubtedly»).

5. *Функция произвольной оценки* (ведущий оформляет необходимое ему для оценки содержание в рамки слуха, а затем в режиме прямой или косвенной речи вводит модусный объект «субъект авторитетного мнения»). «Kadyrova denied any “Chechen trace” in the killing. “It’s hearsay and rumors, which don’t show either politicians or the media in a good light» [TS].

6. *Функция «конфликта мнений»* (кроме обязательного для каждого текста автора, в него вводится субъект авторитетного мнения; как следствие, возможное столкновение различных точек зрения) [1]. «On one side are doctors who say that the definition of mental illness should be broad enough to include mild conditions... On the other are experts who say that the current definitions should be tightened to ensure that limited resources to go to those who need them the most and to preserve the profession’s credibility» [TN].

Реализация резонансной информации в актах политической коммуникации имеет свою специфику, которая проявляется на семантическом (содержательном), коммуникативно-прагматическом и регулятивном уровнях функционирования ее *коммуникативных единиц* — слухов, былей, мифологизированных историй, советов бывалых людей, советов авторитетных людей. В семантическом плане выделенные коммуникативные единицы характеризуются не только со-

* Источники и принятые сокращения см. в конце статьи.

держательной спецификой их плана выражения, но и коммуникативными особенностями, присущими резонансной информации в целом. К их числу следует отнести прежде всего такие характерные особенности, как:

- анонимная природа;
- автотекстовость и самотранслируемость;
- «самодвижение» как по заданной (когнитивной, коммуникативной или часто резонансной) схеме распространения, так и по произвольному (т.е. резонансно направляемому) маршруту;
- гибкая вариативность форм воздействия относительно адресатной аудитории и способность выступать в качестве базового прототипа (основы) для построения последующих резонансных коммуникативных единиц;
- функциональная протяженность используемых резонансных коммуникативных единиц во времени и их стираемость или вытесняемость из коммуникативного пространства новыми информативными единицами резонансного типа;
- легкая транспонируемость и смена целевых установок и функционально-семантическая гибкость их плана выражения;
- символичность и мифологичность;
- эмоциональная окрашенность;
- активность в обиходе массового общения и легкая подстраиваемость под каналы сенсорного восприятия (устная и визуальная форма);
- объективная субъективизация информативного содержания, основывающаяся на принципе включения или вводности резонансных коммуникативных единиц, так называемых маркеров «слухового канала»: «they say, that...», «I heard, that...», «sources say» «they said on the radio \ I read in the newspaper, that...», «an authorized man said, that...» [9].

Затемнение истинности высказывания, создание модуса неопределенности позволяет избежать четкого обозначения в тексте того, кто, когда и где стал источником публикуемой информации. Исключение субъекта как источника информации осуществляется с помощью пассивных конструкций с глаголами to seem, to believe, to consider, to understand, to expect; конструкций с семантикой говорения, сообщения чего-либо типа is said, is announced; обстоятельств, указывающих на косвенный источник информации (allegedly, reportedly) или ее выводной характер (evidently, apparently) [10]. И как следствие, автор порождаемого текста не несет ответственность за достоверность или фактуальность его тематического пространства или иллюкативную направленность, потому что у него всегда есть возможность сослаться на предыдущего автора, независимо от степени отклонения от услышанного: «An authorized man said that the vote was riddled with fraud» [TN]; «They said on Sunday that those who participated in a cover-up would have to resign» [TG]; «I interviewed Hale in 2002 because I had heard he was becoming a key figure in America's hate community» [HT].

В чисто прагматическом плане резонансная информация примечательна тем, что функционально она опирается на принцип неравенства (различия) между информационным входом и информационным выходом: вход значительно меньше, чем выход.

Прагматическая специфика резонансной коммуникации и ее единиц — резонансных коммуникативных актов (РКА) определяется их семиотической природой, когда порожденные и направленные по определенному «маршруту» РКА самотранслируются с определенной частотностью и порождаются с новым объемом информации на определенном витке взаимодействия между автором/ретранслятором и адресатом, который в дальнейшем также становится автором. Тематическое пространство актов резонансной информации затрагивает, как правило, принципиально умалчиваемую (скрываемую) информацию. Интерес к открытию тайн повышает интерес и доверие к их содержанию, чем нельзя воспользоваться в период, например, предвыборных кампаний, в пропаганде, агитации.

Прагматический и психологический механизм «поделиться с близкими раскрытой тайной» обуславливает быстрое распространение РКА. Такие РКА, как правило, никогда не повторяют того, что уже известно из средств массовой коммуникации. Отсюда легко установить и масштаб распространения РКА: зона «говорения» равна зоне «молчания» и наоборот.

Обозначенная модель, как представляется, может быть востребована в любых формах агитации, пропаганды или контрпропаганды.

Источники и принятые сокращения:

- HT — Herald Tribune
- ST — St. Petersburg Times
- TG — The Guardian
- TN — The New York Times

1. Кубрякова Е.С., Александрова А.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира, пространства и времени. М.: Диалог-МГУ, 1997. С.3-13.
2. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 306 с.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. С.330.
4. Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.7-25.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.136-137.
6. Haberland H. // J. of Pragmatics. 1999. No.31. P.15.
7. Dijk T.A. Studies in the Pragmatics of Discourse. Mouton, 1981. P.25.
8. Макаров М.Л. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. С.200.
9. Романова А.А., Романова Л.А. Резонансная информация в политической коммуникации // Филология и культура. Мат. III междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. С.144-146.
10. Автопортреты политиков: от психоэтики к политополитике // Политический дискурс в России. М.: Прогресс, 1999. С.45-47.